Андрей РАСТОРГУЕВ

«ЛИШЬ ДУША ДА КРЕСТ НАТЕЛЬНЫЙ…»

Две реки и жизни Дмитрия Мизгулина

Дмитрий Мизгулин. Две реки. – М.: Славяноград, 2004.

Окончи Дмитрий Мизгулин Литературный институт десятком лет раньше, о самом факте этого окончания не стоило бы и говорить. Мало ли заочников тридцати и более лет от роду выходило тогда из его стен? Дмитрий, однако, сотворил этот шаг куда позднее, в 1993 году, когда его ровесники-гуманитарии совсем перебивались с хлеба на квас, а юная поросль чуть ли не поголовно рвалась в экономисты.

Впрочем, уже имея к тому времени диплом Ленинградского финансово-экономического института, Мизгулин явно мог позволить себе это экстравагантное движение. Тем более что и сегодня работает в финансовой сфере – да отнюдь не простым бухгалтером. Возглавляемый им Ханты-Мансийский банк входит в число крупнейших в России, а сам Дмитрий считается одним из лучших отечественных банкиров.

И всё-таки тот же самый шаг, предпринятый уже не в лучшие для культуры времена, позволяет предполагать, что литература для этого автора уже многих стихотворных и прозаических книг – отнюдь не разновидность многочисленных хобби, которым предаются успешные топ-менеджеры в редкие минуты душевного расслабления. И что поэт Дмитрий Мизгулин вполне искренен, наедине с собою и читателем своей книги «Две реки» сетуя: «*Компьютеры, ксероксы, факсы.// И биржи. И курсы валют.// Меняем на марки и баксы// души первозданный уют…// Мерцает во мраке планета.// И звезды, как свечи, горят.// И в цепких сетях Интернета// блуждает душа наугад…*».

Своё отнюдь не приятие сведения жизни к ее меркантильной составляющей, а тем паче нынешнего нашего общенационального унижения («*Была когда-то Родина. А ныне// В своей стране живу как на чужбине,// Где дикторы с акцентом говорят…*») автор демонстрирует ещё не раз, противопоставляя им вполне традиционное: «*Эпоха грядущего хама// стучится настойчиво в дверь,// укройся под сводами храма// от будущих бед и потерь…// Покайся – и душу отпустит…*». Но по-настоящему поэтической силой это противопоставление наполняется

тогда, когда обе его стороны, до того разделённые по разным стихам, сходятся воедино и одухотворяются природой:

…Тяжелеют осенние воды,
догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской природы
вдруг наступят особые дни.
И развеется мрак постепенно,
рябь по водам пройдет не спеша.
И, как солнечный отсвет, нетленно
встрепенётся и вспыхнет душа…

Именно о ней задумывается лирический герой автора накануне Духова дня, когда «*Как в предчувствии скорой беды,// шевельнётся тревога змеёю:// человек состоит из воды,// а когда-нибудь станет землёю…*». И перед заботой о бессмертии души мысль о конечности жизни перестает быть мучительной: «*…На разочарования – плюнь.// Жизнь проходит – и что тут такого…// Скоро Троица. Праздник. Июнь.// День сошествия Духа Святого…*».

И всё-таки, освобожденная от защитных покровов, к которым повседневность приучает каждого из нас, а человека, отвечающего за большие ценности – тем более, эта душа полностью раскрывается где-то к середине сборника. Там, где успешный в материальном отношении герой на поверку оказывается путником, который на середине дороги, самым классическим дантовским образом «утратив верный путь на дне долины», вдруг обнаруживает, что «*…Жизнь состоит из работы,// Пьянок и мелких страстей…*». И что если поутру «*…Хотелось славы, словно пива// Холодненького…*», то к полудню все «*Привычным и обычным стало,// Как эта рюмка коньяка…*».

Не более спасительна, чем приевшийся «Хеннеси» или что там ещё покруче, и вожделенная для многих заграница. Мысли о «снежной и сложной» Родине не отпускают даже под оглушающий шум прибоя «при анатолийской луне». Римская «пыль столетий» вновь напоминает герою, что и он «устал от зрелищ и наелся хлеба» – хотя, с другой стороны, «*Рим пал давно. А я ещё живу// И, радуясь, гляжу на это небо…*». А на палубе речного трамвая, рассекающего зелёную воду в «кирпично-фабричном Бирмингеме», вдруг «*…покажется – дома плыву// по оснеженной Пряжке в Неву…*». А на лондонской Риджент-стрит под

Рождество – «*Величие и простота.// И храмов Божьих пустота…*». И, помолясь в Вестминстерском аббатстве за Россию, путник чувствует себя счастливым лишь в Кижах, а надежду и покой привозит домой с Афона. И начинает жизнь сначала там, где «*Вьюги катятся с Ямала// Прямо к устью Иртыша…*».

В этом новом начале и проясняется, что две реки Дмитрия Мизгулина – это не только и даже не столько бессмысленная повседневная суета и драгоценное в пику ей духовное спокойствие, сколько вполне конкретные водные потоки: Иртыш и Волхов. Хотя именно здесь вещное, материальное окончательно перестает быть значимым. «*…Все казённое – квартира,// Мебель, кухня, телефон.// Лампа и комплект постельный –// По реестру бытие.// Лишь душа да крест нательный// Всё имущество моё…*». И этого оказывается вполне достаточно для вывода: «*Основательно в дорогу// снарядил меня Господь…*». Тем более что ещё есть ручка и бумага: «*…Здесь в молчании снегов// Тишина – моя награда.// Слава Богу, ничего// Большего уже не надо…*». А если беспокойство о том, что жизнь тает, «как снег на руке», внезапно возвратится: «*…Предрассветное чувство беды// Вдруг исчезнет – как сумрак тумана.// В час, когда тихоходные льды// Растворятся во мгле океана…*».

Впрочем, умиротворяет и осень – «*Золочёным сентябрьским лесом// Выйду к утренней тихой реке…*», и зима – «*Застыли великие реки,// притихли нагие леса.// От сумрачной хмари навеки// очистил Господь небеса…*». Хотя зимнею ночью герою всё-таки снится лето, где «*…Наполнен яблоневый сад// Дыханьем ладожских просторов.// И ты, как будто наяву,// Опять с крыльца ко мне спустилась…// Упало яблоко в траву// И покатилось…*».

Именно там, недалеко от рюриковой Старой Ладоги, «*…вечность дышит мне в затылок// Немым язычеством своим…*». Там, у волховского устья «*…ворчит усталый дизелёк// на ладожских просторах…*». Туда «*Мимо вселенского мрака,// В пепле сгоревшего дня…*» возвращается герой «*В дом, где жена и собака// Ждут с нетерпеньем меня…*». Там можно «*…просто жить// На этом свете Божьем.// И наблюдать – как от земли// Струится зной устало,// Как проплывают корабли// Вдоль берега канала…*». Канала, в тихой ряби которого дрожит последняя предутренняя звезда.

2006 г.